

О
Л
И
Г
О
Ф
Р
Е
Н

Гали Манаб

Серия
«Психологический
роман»

Гали Манаб
Олигофрен
Серия «Психологический роман»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3935945

Манаб Г. Олигофрен: «Спорт и Культура – 2000»; Москва; 2011

ISBN 978-5-91775-060-6

Аннотация

Автор проводит параллель между двумя социальными слоями населения: пересечение судеб – девочки из обеспеченной, благополучной семьи и мальчика, который был лишен всех человеческих благ с самого рождения.

Содержание

Миша	4
Айгуль	20
Миша	33
Айгуль	43
Миша	63
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Гали Манаб

Олигофрен

*«Есть бытие; но именем каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бдение;
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит разуменье».*

Баратынский ЕЛ.

Миша

Из воспоминаний детства я хорошо помнил переход; длинный коридор, который казался нескончаемым и красивым, с красивыми тюлевыми шторами.

Как мне запомнилось, нас привезли на машине скорой помощи, высадили у входа в интернат, а потом мы долго-долго шли по этому переходу. В конце этого перехода нас заселили в большую комнату, впоследствии я узнал, что эта большая комната служила изолятором для вновь поступивших детей. Кто тогда в изоляторе работал, я не помню. Зато запомнилось как я, как и все мальчики из нашей группы, за время пребывания в интернате несколько раз попадал в изолятор. Один раз я болел желтухой, а еще несколько раз болел ангиной, или просто простужался, и у меня поднималась температура, и я попадал в изолятор. Мы все любили попадать

в изолятор. Там нянечки часто менялись, поэтому, если сегодня, допустим, попадала злая нянечка, то завтра ее могла сменить другая, добрая.

А еще я, как и все ребята из нашей группы, любил когда меня брали на всякие занятия. В этих кружках все теткы были добрые, никто не ругался, не ставил в угол, не наказывал. Но на этих занятиях надо было что-то делать. У меня ничего не получалось. Рисовать я не умел и не любил совсем, поэтому учительница по рисованию после одного раза не стала меня больше брать. Злая тетка. Она, я помню это отчетливо, привела меня в группу и сказала воспитательнице:

– Я его больше не буду брать, он совсем не имеет желания рисовать. Он битый час зря просидел в классе, с таким же успехом он может посидеть и в группе. Мне такие дети не нужны.

А потом меня на занятие взяла другая тетка. Она со мной больше разговаривала, показывала картинки, буквы, спрашивала все больше обо мне самом, ну, там, что я помню из своей жизни, есть ли у меня мама, папа или сестры, братья.

У нее в кабинете много было всяких интересных игр. Она мне разрешила поиграть с мозаикой, затем дала мне ножницами порезать картиночки, дала какие-то недорисованные рисунки, чтобы я их дорисовал, но у меня ничего не выходило, как бы я ни старался. Но тетка почему-то все равно похвалила меня, дала мне конфетку и привела обратно в группу. Эта тетка была очень добрая, прямо как мама. В ту ночь я

совсем не спал, так мне понравилась эта добрая тетка. И мне казалось, что я ей тоже понравился, она же меня похвалила, даже целую конфетку дала. Шоколадную. Я ее ждал каждый день. Она приходила к нам на этаж, я бежал ей навстречу и просил ее, чтобы она меня опять взяла к себе в кабинет. Но она почему-то тоже больше не брала меня, она брала других детей, а меня нет.

И тогда я обиделся, мне было плохо, и я, затаившись, плакал. И плакал каждый раз, когда она, приходя на этаж, брала на занятия других детей. Однажды воспитательница в группе увидела меня плачущего, как она сказала, без причины, и наказала меня, поставила в угол. В углу мне пришлось стоять долго, почти до самого обеда. И я понял, что плакать нельзя. И пожаловаться мне было как будто не на что и некому.

А когда я подрос немного, меня распределили в учебную группу. В учебном классе я пробыл только первые три года. Это были самые тяжелые годы моего детства, как тогда я думал. Учеба мне давалась тяжело, я жуть как не любил эти книжки читать. А считать и подавно. Мне не давались ни буковки, ни циферки. Учителя меня не любили, часто наказывали за плохое поведение. А мальчики, которые лучше, чем я, учились, постоянно меня обижали, били, иногда даже избивали ни за что. Они часто отбирали у меня печенье и прочие сладости, которые нам давали на полдник, и которые я очень любил. Заступиться было некому. Однажды я попытался пожаловаться воспитателю на мальчиков, которые ме-

ня обижали, но воспитательница меня же закрыла в спальне на весь день, чтобы меня никто не бил, не обижал. После этого я перестал жаловаться, перестал плакать, выжидая, что когда-нибудь может все измениться в моей жизни. Может, вспомнит про меня мама. А мама у меня есть. Где-то. Воспитательница говорила, что у всех детей обязательно есть мамы. По-другому не бывает.

А на четвертый учебный год меня перевели в трудовую группу. Вот где было хорошо. Здесь учиться не заставляли. Мы, дети из трудовой группы, время убивали тем, что помогали нянечкам по этажу, ну, там, полы помыть, постирать вещи, почистить обувь для группы. А за это нянечки нам разрешали вечерами телевизор посмотреть, вместе с ними.

Однажды пришел к нам на этаж один дядька и выбрал несколько мальчиков на занятия. Среди них был и я. Дядька привел нас в мастерскую, где было много всяких железяк, досок, станков, топоров, молоточков. Усадил всех за стол и сказал:

– Меня зовут Николай Николаевич. Можно просто дядя Коля. С сегодняшнего дня у нас с вами начнутся мальчишковые, а вернее, мужские занятия. Чтобы вырасти хорошим хозяином, надо многому вам научиться. Начнем с самого малого. Кто мне скажет, что нужно, чтобы собрать стул?

– Доски, – крикнул с места я.

– Молодец, – похвалил меня дядя Коля, – это минимум, что потребуется. А что еще нужно, кроме досок.

Мальчики все молчали, озираясь по сторонам.

– А еще нужно вот эта штука, и вот эти штуки, – ответил я, показывая на молоток и гвозди.

– Правильно, молодец. Как тебя зовут? – заинтересованно спросил дядя Коля. Мне понравилось, что я отличился и что хвалят меня одного. Меня, кроме той доброй тетки, никто никогда не хвалил. Я почувствовал себя хорошим учеником, осмелел и ответил:

– Я – Мишка Бабичев из 6-ой группы.

– Сегодня у нас ознакомительный урок. Все вещи имеют названия. Вот эти штучки, как говорит Миша, называются гвозди, а это – молоток, им забивают эти гвозди.

И начались у нас мальчишковые занятия. Мне, как никому из мальчиков, понравились занятия дяди Коли. И дяде Коле я понравился, и с тех пор дядя Коля постоянно стал брать меня на занятия. Итак, наконец-то, мечта моя сбылась, я стал любимчиком дяди Коли и теперь не боялся больших мальчиков, я всегда мог пожаловаться дяде Коле. А большие мальчики меня не трогали, потому что я теперь целыми днями пропадал у дяди Коли в мастерской, и все мальчики знали об этом и завидовали мне.

Но был один мальчик, Вася Капустин, из 5-ой группы. Он был старше всех и умел хорошо драться. Его не только мальчики боялись, почему-то за него были все воспитатели и нянечки. И учителя его постоянно хвалили, он хорошо учился и ходил в любимчиках у учителей. И вообще, он пользовался

большим авторитетом у всех. Даже директор интерната его ни за что не наказывал, потому что у него родители были какие-то большие шишки. Они у него часто ездили по заграницам, там, в Америку, еще куда-то, были денежные и, как я слышал, спонсировали интернат. Ну, там, покупали для интерната всякую аппаратуру и т. д. И дядя Коля мне как-то рассказал, что Васины родители помогали директору строить дачу.

Однажды, когда, получив свой полдник – один целый банан и два печенья, я только хотел было спуститься с этажа, я шел к дяде Коле в мастерскую, меня Вася Капустин подкараулил на лестничной площадке и просто отобрал у меня полдник. Я не успел даже откусить ни от банана кусочек, не успел ни печенья съесть. А мне так хотелось самому съесть свой банан и свои два печенья. Ну, хотя бы одно печенье.

Мне было так обидно, так плохо, как тогда, когда та добрая тетка больше не брала меня на занятия и больше не хвалила, что я даже заплакал. Но, когда я пришел к дяде Коле, и он спросил меня, заплаканного, что со мной случилось, я просто промолчал. Струсил. Потому, что боялся Васьки Капустина. И сказать об этом постеснялся.

Потом я старался есть свой полдник на этаже, в столовой, вместе со всеми. Нянечка всегда следила, чтобы каждый сам съедал свой полдник.

Однажды, съев свой полдник, я как всегда шел к дяде Коле. На площадке я встретил Васю Капустина, который, уви-

дев меня, подбежал ко мне и начал требовать у меня полдник.

– Ты решил меня перехитрить? – спросил он, – почему ты полдник перестал мне отдавать?

– Я уже съел, – сказал я виновато.

– Вот тебе за то, что ты меня не слушаешься, – сказал он и ударил меня под дых. Я от неожиданности и от острой боли согнулся, тут он повалил меня на пол и начал пинать меня ногами. Короче, избил меня. А потом приставил к моему горлу ручку, оторванную от ложки, и сказал:

– Если завтра, урод, не отдашь мне свой полдник, я тебя урою.

И я стал всегда отдавать ему свой полдник. Вася не всегда был таким злым. Иногда он бывал добрым и разрешал мне съесть свой полдник самому. А добрым бывал, когда к нему приезжал папа и привозил много всяких вкусностей. В такие дни он добрел и даже угощал меня сладостями. А еще он защищал меня от других больших мальчиков, заступался за меня, чтобы я свои полднишки мог отдавать только ему.

К другим маленьким Вася Капустин почему-то не приставал. Он их жалел.

Однажды на полдник дали аж по два кусочка ананаса. От ананаса так вкусно пахло, что у меня слюнки потекли. И я решил сначала съесть один кусочек сам, а второй дать Васе Капустину. Но почему-то съел оба куса, не мог остановиться. В тот день я избегал Васи Капустина. Я даже не спустился

к дяде Коле. В тот вечер Вася Капустин зашел к нам прямо в спальню и сказал:

– Ты, что, нюх потерял? Ты, что, совсем оборзел? Я тебя весь день жду.

И избил меня прямо в спальне, при всех ребятах. Он повалил меня на пол, и стал пинать ногами, и заставил всех мальчиков пинать меня. Я боролся как мог, но Вася Капустин был сильнее меня, и ему все помогали, все его боялись. Я от обиды и боли начал кричать и топтать ногами. На крик прибежали воспитатели из всех групп, но Вася Капустин успел убежать, а остальные мальчики быстренько легли на свои места и сделали вид, что спят. А я так разошелся, орал, топал ногами, плевался и полез драться с воспитателями. Воспитатели вызвали санитаров, которые меня поволокли в надзорку и закрыли. От обиды я еще больше начал орать, швыряться чем попало, разбил стекло в двери и пинком разбил дверь, так, что она перестала закрываться. Тогда опять пришли санитары, скрутили меня, а медсестра сделала какой-то укол. У меня моментально закружилась голова, меня стошнило прямо на санитаров, затем я обмяк и провалился в сон. Не знаю, сколько дней я проспал. Только проснусь, вижу медсестру, которая опять меня колет, я опять проваливаюсь, обессиленный. И так я в надзорке проспал целую неделю, мне потом дядя Коля сказал. Последние два дня меня не кололи, но я все лежал, потому что ноги меня не слушались, голова кружилась, тошнило и всякое такое. И почему-то я не замечал,

что писаю в постель.

Когда я немного оклемался, ко мне пришел дядя Коля. Он сказал, что приходил ко мне каждый день всю эту неделю, вот откуда я узнал, что прошла неделя. Он мне принес два банана, два апельсина и целую пачку печенья. Дядя Коля был добрый и любил меня больше всех.

А на другой день, когда меня выпустили из надзорки, дядя Коля помог мне спуститься к нему в мастерскую. Я у него просто сидел, ничего не делал. Обед дядя Коля принес мне в мастерскую и даже кормил с ложечки, потому что я сильно уставал держать ложку. Дядя Коля жалел меня, он сказал:

– Посиди, сынок, просто так, отдохни. И больше так себя не веди, чтобы тебя опять не закрыли в надзорке.

Я сам теперь надзорки боялся больше, чем Васю Капустина. Васе Капустину хорошо, у него родители есть. Отец, вон, какой крутой, богатый. А у меня никого нет, ну, кроме дяди Коли. А дядя Коля старенький, он сам боится Васи Капустина и мне всегда говорит:

– Не связывайся с ним, сынок, обходи его стороной.

А мне так хотелось сладкого поест, что иногда думал, что умру.

Однажды дядя Коля заболел, и его положили в больницу. И мне приходилось целыми днями быть на этаже, в группе. Я вел себя хорошо, слушался воспитателей, помогал нянечкам, ну, там, полы помыть, гладить белье, почистить обувь.

А когда после обеда у нас был тихий час, в спальне все

заснули. Я спать не любил, обычно я в это время помогал дяде Коле. А Вася Капустин тоже днем никогда не спал, он где-то ходил. Мог просто гулять на улице, ему разрешали. Его не заставляли даже просто лежать с закрытыми глазами.

И вот, когда все заснули, я тихонечко, как был, в трусах и майке, вышел в коридор, типа, пописать. Хотя не хотел. В коридоре никого не было. Все воспитатели собрались в раздевалке, чай пили. Они всегда так делают, нас укладывают, а сами собираются в раздевалке, чай пьют и громко разговаривают. Я сходил в туалет, а на обратном пути проходил мимо столовой, а оттуда так вкусно пахло. Я зашел в столовую, а там на столе стоят несколько коробок сладких шоколадных конфет. Такие нам давали на Новый год. Тогда Васю Капустина забрали домой на праздник, и я сам съел конфеты. Они были такие вкусные. Я такие никогда в жизни не ел. Я сначала хотел взять горсть конфет и убежать. Но потом почему-то схватил одну из коробок и выбежал в коридор. В коридоре никого не было, и я быстренько забежал обратно в туалет. Там я огляделся и увидел, что высоко на стене висел старый, запыленный шкафчик, там были какие-то крантики. Я коробку поставил на подоконник, сам быстренько забрался на него и, потянувшись, достал дверцу ящика и открыл. Я быстренько запихнул коробку с конфетами в шкафчик, закрыл дверцу, спрыгнул вниз и быстренько выбежал в коридор. В коридоре по-прежнему никого не было, только были слышны голоса воспитателей. Я бегом забежал в спальню,

лег на свою кровать и сделал вид, что сплю.

В тот день нам раздавали по одной конфетке, которую я спокойно отдал Васе Капустину и не огорчился. Я ждал момента, когда я вдоволь наемся тех спрятанных конфет.

Пропажу то ли не обнаружили, то ли еще чего-там, не знаю, короче, буфетчица, как ни в чем не бывало, раздала нам по одной конфетке. И воспитатели не ругались.

В ту ночь я долго ждал, пока все заснут. Среди ночи, когда все мальчики уже спали, и нянечка закрылась в раздевалке, и наступила полная тишина, я вышел из спальни, пошел в туалет, залез на подоконник и открыл шкафчик. Коробка там стояла, как ни в чем не бывало. У меня от радости аж дух захватило. Я достал коробочку, закрылся в кабинке, сел на толчок и жадно начал запихивать в рот конфеты, одну за другой. Когда коробка ополовинилась, я почувствовал, что наелся. Мне было так сладко, что даже немного срыгнул конфетами. Но был счастлив. Я отомстил Васе Капустину, он, наверно, никогда не ел так много конфет, сколько хотелось. Я отомстил всем. Мне было очень хорошо, и мне за это ничего не было. Мне это понравилось. Это было мое первое воровство.

После этого случая я начал подворовывать всегда и везде. Особенно мне нравилось воровать на кухне. Главное, надо было вовремя съесть, пока никто не видит, чтоб потом не могли доказать, что я именно съел.

Однажды дядя Коля меня взял к себе на дачу, на выход-

ные дни. Его жена тетя Галя была доброй женщиной. Она меня кормила вдоволь, а сладости почему-то не давала. У нее на столе всегда лежали конфеты в красивых конфетницах. Сидя за столом, я наедался, можно было есть конфеты, сколько хочешь. Но с собой почему-то тетя Галя мне не давала их. Но я не упускал случая своровать конфеты. Я их запихивал в карманы до отвала. И ходил, ел втихоря.

Дядя Коля часто стал забирать меня на дачу. Я ему там помогал. Я помогал ему строить баню, всякие пристроечки, плотничал. Дядя Коля хвалил меня, говорил, что из меня вырастет хороший хозяин. Однажды даже сам самостоятельно смастерил для дяди Колиной собаки будку. Будка получилась небольшая, складненькая. Я умел аккуратно, красиво работать.

– Какой же ты у нас мастеровитый, аккуратненький, – не уставала нахваливать тетя Галя, – были бы у тебя, горемычного, путевые родители, занимались бы с тобой, цены бы тебе не было.

А когда еще немного подрос, уже много чего мог самостоятельно делать, я сам мог собрать мебель, целую стенку. Дядя Коля научил меня и мягкую мебель обивать. Всю мягкую мебель у дяди Коли дома и на даче я обил новой тканью. Мебель стала как новая, красивая.

Тетя Галя брала меня в магазин с собой, покупать ткань для обивки мебели, советовалась со мной, какую ткань для какой именно мебели ей покупать. И всю дорогу не уставала

повторять:

– Жалко, что неграмотный ты у нас остался. Руки золотые, и нюх есть на красоту, а вот читать, писать не умеешь.

Я любил с тетей Галей ходить по магазинам. Она мне всегда покупала сладости или что-нибудь вкусненькое. Иногда давала мне мелочь, на которую я мог купить жвачку, «ку-ку-руку» или еще что-нибудь «новомодное», как говорила тетя Галя. А в тот раз, когда мы покупали ткань, тетя Галя осталась довольна покупками, раздобрилась и дала мне две штуки бумажных денег.

– А что можно на них купить? – спросил я.

– На них можно купить лимонад, кучу жвачек, вот этих вот ваших красивых вафель и много сладостей, – сказала тетя Галя.

– А джинсы, как у Васи Капустина, можно на них купить?

– Нет, сынок, на джинсы ты еще не заработал.

– А сколько нужно денег заработать на джинсы.

– Много.

– А сколько бумажек, вы мне скажите, – допытывался я.

– Горе ты мое луковое, – ласково сказала тетя Галя. А сколько, так и не сказала. Интересно, больше десяти таких бумажек или меньше, думал я, потому что я умел считать до десяти. А как дальше считать, я не знал.

Однажды дядя Коля взял меня на «шабашку». Я был так доволен, почувствовал себя взрослым человеком. Дяде Коле заказали в загородном доме построить веранду. «Заказчики

богатые, деньгами нас не обидят», – сказал дядя Коля.

– А сколько они денег дадут, больше десяти бумажек? – спросил я. В ответ дядя Коля только засмеялся и ничего не сказал.

Мы работали целое лето. Когда мы закончили работу, дядя Коля купил мне новую куртку и джинсы, прямо как у Васи Капустина. И дал мне бумажные денежки и сказал:

– Посчитай-ка, сынок.

Я посчитал. Там было ровно десять штук. Я обрадовался, если б не десять, я не знал бы, что мне делать, как дальше считать. А дядя Коля спросил:

– Ну и сколько же?

– Десять.

– А всего сколько?

– Десять, – повторил я.

– Горе с тобой, – сказал он. – Каждая бумажка по десять рублей. А все вместе, десять штук по десять рублей, получится сто рублей. Это много.

И он стал объяснять, что сто – это когда одна палочка и два нуля, и это много, больше чем десять. Я был доволен, и мне не терпелось истратить их и понять, на что можно, на что хватит.

Когда меня дядя Коля привез обратно в группу, меня ждал хороший сюрприз, Васю Капустина перевели во взрослый интернат. Мне больше бояться было некого. Я сам был одним из старших на этаже. Я смело подошел к воспитатель-

нице и попросил меня взять на рынок вместе с остальными мальчиками, которые сами получали пенсии. На рынке я купил целую коробку шоколадных конфет, и у меня еще оставалось две бумажные деньги по три рубля. На них я купил жвачки, набил ими карманы. Когда вернулись в группу, я всем раздал по две конфетки, и у меня оставалось еще много конфет. Коробку с остатками конфет я убрал к себе в тумбочку. У меня из тумбочки никто без моего разрешения не мог взять их. Я сам брал оттуда конфеты, забивал себе карманы и ходил в течение дня, ел их. Мне все завидовали. Иногда я угощал маленьких детей. Этих конфет мне хватило на несколько дней. А потом они закончились. Денег больше не было, и конфет тоже.

Мне очень хотелось иметь деньги. Я попросил у дяди Коли. А дядя Коля сказал, что у него тоже деньги закончились. Он меня обманул, я знал, что у него в кармане, в кошельке всегда есть деньги. Я знал, что у всех взрослых всегда есть деньги. Но как мне к ним добраться я не знал.

Однажды, проходя по коридору мимо раздевалки, я увидел, как двое воспитателей с кошельками в руках считали деньги. Денег было много, там были и по 3, и по 10 рублей, и много других цифр, которых я не увидел. У меня глаза загорелись, так захотелось иметь много денег. А воспитатели увидели меня и закрыли дверь прямо перед моим носом.

В ту ночь я никак не мог заснуть. И на следующий день весь день я не находил себе места, жуть, как хотелось по-

иметь деньги. Теперь решил поступить по-умному, я близко не подходил к раздевалке. Я стоял издали и наблюдал, куда они кладут свои кошельки с деньгами. У кого какая сумка, и в какой шкаф они убирают их. Мне нужно было, во что бы ни стало, своровать деньги. Я еще не знал как я это сделаю. Я даже не предполагал, заимев их, как их буду тратить. Но я был одержим лишь одной мыслью, непременно их заиметь.

Айгуль

Родилась я в Казахстане, вторым и очень желанным ребенком у родителей. У меня еще есть мой любимый братик Кайрат, который старше меня на два года. И все свое детство прожила в районном поселке под областным городом Тараз. Город раньше имел другое название – Джамбул, а потом его переименовали в Тараз. Мама у нас работала бухгалтером в районном потребсоюзе, а папа работал технологом на мясном комбинате. Все воспоминания моего детства связаны с братом. Мы с ним были очень дружны. А еще мои воспоминания о детстве сводятся, как ни странно, к мясным и колбасным изделиям, которых у нас в детстве было более чем в достатке. Может быть, поэтому я считалась девочкой из материально благополучной семьи. Родители нас баловали. Сказать, что они нас любили, не сказать практически ничего. Они в нас души не чаяли. Мы ни в чем не знали отказа. Любое наше желание исполнялось родителями беспрекословно. Захотели мы, допустим, в какой-нибудь престижный лагерь на лето, пожалуйста. Папа доставал нам путевки, и даже сами родители на машине отвозили нас туда. Захотели, допустим, на зимние каникулы в какой-нибудь детский санаторий в Анапу, пожалуйста, без проблем, папа сделает. А шмотки у нас были сплошь заграничные, привозные. Дядя Серик, папин брат, работал атташе в посольстве Казахстана,

и по роду своей деятельности часто бывал в загранкомандировках, и постоянно привозил нам с братиком и моим родителям много всяких заграничных «диговин», которых, пожалуй, в нашей стране нигде не купить было. Дядя Серик – младший брат моего отца, но нами он всегда воспринимался не как дядя, а как старший брат. Может быть, потому, что он был моложе папы, а, может, потому, что, хоть он и женат был, у них не было детей. А жена его, тетя Назым – оперная певица, известная всему Казахстану. Она женщина высококультурная, творческая, тонкая во всех отношениях, как все люди богемы. В быту совсем не пригодная ни к чему. В хозяйстве она не мыслила ничего. Готовить? Да вы что, тетя Назым и кухня – это вещи несовместимые даже в мыслях. Уборка, стирка? Спросите, знает ли тетя Назым о существовании пылесоса, стиральной машины и прочей земной ерунды? А родить ребенка для тети Назым – это всемирная катастрофа, это конец света.

Зато она очень хорошо разбирается в высоком искусстве, в высокой моде и вообще во всем высоком. Да и вообще ей некогда подумать о «низком», о земном. Ей всегда, в любое время суток, надо быть «в форме»; выглядеть не просто хорошо, а на все 100 – маникюр должен быть обязательно безупречным, лицо должно обязательно выглядеть безупречно свежим, ни в коем случае не заспанным, не уставшим или выражающим недовольство чем-либо вообще. У нее строгий режим, которого она даже под дулом пистолета не нарушит.

И самое главное сокровище в ее жизни, ради сохранения которого она пожертвует чем и кем угодно, – это ее голос. Этот драгоценный голос можно в полном объеме услышать только на сцене, когда она поет на концертах, или, если повезет, то на репетиции. А в остальное время она ограничивается очень скудной речью, дабы сберечь его, драгоценного. Телефонные звонки? Да никогда в жизни она не будет отвечать на них. Телефона, как отдельное средство связи, для нее не существует в природе. Для этого есть определенный человек. А на приемах на высшем уровне, на богемных тусовках, которые иногда приходится ей посещать, она ограничивается милой, кратковременной улыбкой. И то через раз. Кто-то устаивается этой улыбкой, а кто-то и помечтает о ней.

А для родственников ее общество вообще дефицит. За все свое детство, пока я жила с родителями, я лишь один раз видела ее воочию, живьем, не по телевизору. На свадьбе у дяди Марата, еще одного брата отца. Свадьбу справляли в Астане, в каком-то крутом ресторане. Помню, тогда тетю Назым все ждали больше, чем невесту. Она приехала в середине свадьбы, вся блестящая, под ручку с дядей Сериком, в окружении целой свиты из шикарных мужчин, которые несли огромные корзины с великолепными букетами цветов. Заходя в зал, она лишь своим одним видом произвела целый фурор. Она затмила всех дам, присутствующих в зале, не говоря уж о «бедной» невесте из богатой семьи, считающейся не последней красавицей в своем обществе.

Несмотря на все ее великолепие, тетя Назым нам с Кайратом не нравилась. Она была вся какая-то неестественная, не живая, как красивый музейный экспонат. То ли дело наша мама. Она у нас самая красивая, самая настоящая и самая теплая. А как она у нас умеет готовить! Все мое детство мне казалось, что наша мама лучше всех готовит бешбармак. Это наше национальное блюдо, которое состоит из мяса и из мучных пластов, которых отваривают в мясном бульоне и подают вместе с мясом.

У нас с Кайратом было счастливое детство. Мы были настолько дружны, что были всегда вместе. Я не представляла жизни без него. Даже когда пришло время меня отдавать в детский садик, как мне потом рассказывали, я так плакала, что хочу быть вместе с братиком, что родителям пришлось договариваться с заведующей детским садом, чтобы нас не разлучали. И несмотря на разницу в возрасте, весьма заметную в тот период, мы с братиком ходили в одну группу.

Когда Кайрату исполнилось 7 лет, его отдали в школу. И я помню, как я закатила истерику родителям, чтобы мне тоже вместе с братиком ходить в школу. К 5 годам я знала почти все буквы, умела считать до 10 и обратно, как требовалось для ребенка, идущего в первый класс. Еще бы, я же ходила в подготовительную группу вместе с братиком, во всем ему подражала и старалась не отставать от него ни в чем. Родители меня звали «скороспелкой».

Когда я подросла, как-то с мамой у нас состоялся дове-

рительной женский разговор. Оказывается, у мамы по молодости были проблемы чисто женского плана. Выйдя замуж за папу, мама долгое время не могла родить. Вернее, беременеть она беременела, но у нее бывали постоянные, как в медицине это называется, привычные выкидыши. У нее, как считали медики, матка была слабая, и предполагалось, что она вообще не способна доносить плод до положенного срока. Причиной такому обстоятельству, по словам медиков, служило то, что мать в молодости занималась художественной гимнастикой.

А родители, конечно же, мечтали о ребенке. Для папы пол ребенка не имел значения. А мама тайно мечтала только о дочери. Папа возил мать по всему Союзу по светилам медицины. Она долгое время лечилась во всесоюзном центре матери и ребенка в Москве, и, наконец, на шестом году семейной жизни, в свои немалые 30 лет матери удалось сохранить пятую по счету беременность, и родился долгожданный их первенец, мой братик Кайрат. Родители были от счастья на седьмом небе. Врачи не советовали матери больше рожать. А как же несбывшаяся мечта о дочери, о маленькой «принцессочке Будур»? Мама тайно продолжала мечтать о рождении дочери. Она интуитивно чувствовала, что она обязательно родит дочку, порой сама пугаясь одержимости своей тайной мечтой. И время поджимало, возраст. Забеременев в очередной раз чуть больше, чем через год, мать решилась попробовать оставить все как есть, т. е. попытаться со-

хранить свое «интересное» положение. Она не обратилась к врачам, даже отцу не говорила о своем положении, боясь, что отец не разрешит ей рисковать своим здоровьем. Шестая по счету беременность вопреки всему протекала хорошо. И кризисный период привычного выкидыша прошел. Лишь на пятом месяце беременности она осмелилась поставить отца в известность. Отец воспринял эту новость с величайшим восторгом, но маминых взглядов насчет игнорирования врачей не разделял, и мама была вынуждена обратиться к медикам. Медики, страховщики, прогнозировали возможность неблагоприятного исхода, предлагали срочно госпитализироваться. Но мать, прислушиваясь к женской интуиции, посчитала, что больничная обстановка угнетающе подействует на ее психическое состояние и, упоая на одного всевышнего, как она выразилась, отказалась. И осталась в кругу любимой семьи ждать желанную свою «принцессу Будур». Ровно в 26 недель у мамы начались преждевременные роды. Едва ее успели довести до роддома, в приемном покое, не дожидаясь пока роженицу поднимут в родильное отделение, на свет появилась я. С маленьким весом, глубоко недоношенная. У меня, оказывается, как мать с ужасом восприняла тогда эту информацию, даже легкие еще не полностью раскрытые были и еще не способные выполнять свою функцию. Т. е. родившийся ребенок считался еще плодом, потому что не способен был самостоятельно дышать. Помимо этого неразвит был еще и глотательный рефлекс. И еще куча соответству-

ющих недоразвитий. И требовалось специальное оборудование для дальнейшего развития плода. Мама была сначала в шоке от всего этого, а затем у нее развилась послеродовая депрессия. Находясь в тяжелом психическом состоянии, она с ужасом ожидала вести о том, что ее недоношенный ребенок, возможно, уже погиб. Вся родня собралась возле мамы и всячески поддерживала ее. По словам матери, получи она в тот момент такое известие, возможно, она больше никогда бы не оправилась от такого состояния. Но вопреки всему я «хваталась за жизнь зубами».

Отец срочно связался с братом, живущим в Алма-Ате, в то время столице Казахстана, тот использовал все свои полномочия, и в течение менее суток был привезен в нашу областную больницу «кювез» — это специальное оборудование для «донашивания» подобных детей. Только на третьи сутки после родов матери сообщили, что пошла положительная динамика и что есть надежда на возможность мне выкарабкаться. Это известие придало ослабевшей маме надежду, и она буквально ожила. Она день и ночь напролет молила Бога, лишь бы выжила ее «принцесса Будур». И лишь в двухмесячном от роду возрасте меня выписали из больницы. Вот как я тяжело досталась родителям. Медики прогнозировали, что лишь к третьему году своей жизни я, возможно, догоню в своем развитии своих сверстников. Но, невзирая на все прогнозы медиков, я, по словам матери и на удивление всех окружающих, развивалась быстрыми темпами и к го-

ду наверстала все «недоразвитое». И поэтому меня прозвали «скороспелкой». И по жизни у меня складывалось все наперед.

И в первый класс я пошла в 5-летнем возрасте, вместе с 7-летним братиком. Поначалу родители посадили меня за парту, лишь потакая прихотям избалованной дочери. Но, невзирая на свой возраст, я, как спорное растение, стараясь не отставать от своих семилетних одноклассников, на удивление всем училась хорошо. И к концу первого класса у учителей не было основания не переводить меня во второй класс. Но в третьем классе у меня начались всевозможные проблемы с успеваемостью. Программа третьего класса не усваивалась мною ввиду возрастных особенностей психики. Но не ходить в школу или пойти на класс ниже я, по словам родителей, не соглашалась ни в какую, закатывала истерики, дабы не разлучаться с Кайратом. И тогда маме пришлось бросить работу и заниматься мною по определенной, специально для меня одной разработанной программе. И лишь к 9 годам я начала самостоятельно справляться со всеобщей учебной программой для 11-летних детей. Дальше все пошло, как по накатанной.

И таким образом среднюю школу я закончила в 15 лет. В то время такое явление было редкостью. Это в настоящее время психологами проводятся по такому явлению много исследований; набираются экспериментальные классы пятилетних детей, которые успешно справляются, казалось бы с

непосильной по возрасту деятельностью.

В детстве я подражала во всем братику. Я, говорят, отказывалась даже юбки носить, требовала мне покупать брюки, также как и братику. Мои такие наклонности вызывали у мамы опасения. Она боялась, как бы я не выросла у нее мужеподобной особой. Но к периоду полового созревания я полностью преобразилась. Меня стали интересовать чисто девчачьи «заморочки».

Возможно, оттого что меня сильно любили, и поэтому я чувствовала на себе постоянную родительскую опеку, мне не терпелось повзрослеть и начать самостоятельную жизнь. Как бы я ни любила родителей и как бы ни была сильно привязана к любимому братику, меня всегда привлекала перспектива жить самостоятельной, без опеки родителей, жизнью, возможно даже вдали от родителей. Помню, когда училась еще в 4 классе, я почему-то сильно увлеклась, если это можно так назвать, балетом. Меня сильно привлекала пластика балерин, этот свободный полет в танце. «Вот это настоящая жизнь», – думала я. Я собирала вырезки из красивых журналов с изображением балерин. Однажды мне попалась статья о жизни людей балета. Это, казалось, особый, и что самое главное, самостоятельный образ жизни, когда маленькие девочки, будущие балерины, жили в специальных школах-интернатах, вдалеке от родителей, изолированные от общества взрослых. Меня, пожалуй, эта кажущаяся свобода больше всего и привлекала. Я помню даже написала письмо в Моск-

ву, в какую-то балетную школу, с просьбой меня принять. Ответ из школы озадачил моих родителей. Школа готова была меня принять в число учащихся на общих основаниях. Основания были такие: определенный возраст, по которому я уже не проходила, а еще хореографическая подготовка, которой у меня не было тоже. В нашем захолустном поселке в то время не было никаких детских кружков, кроме рисования. Я была сильно расстроена, когда узнала, что в балетную школу детей готовят с раннего детства, самое позднее с 4 лет. Так что, как бы меня ни считали «скороспелкой» мои родители, но в данном конкретном случае оказалось, что я уже «стара» для балетного искусства. Но балетом я «болела» недолго. Я еще с детства человек увлекающийся, и у меня вскоре появились другие увлечения.

Когда мы с братиком перешли в 6 класс, у нас в поселке открыли музыкальную школу. Там были только три класса по трем инструментам; по классу фортепьяно с продолжительностью учебы в 7 лет, по классу баяна – 5 лет и по классу домбры (это казахский национальный струнный инструмент) – 5 лет. Помню, как я возжелала играть на фортепьяно. Теперь у меня была новая «болезнь», я «заболела» пианино. Но нас с братиком не взяли, поскольку до окончания средней школы мы не успевали закончить музыкальную. Я, как всегда, вся в слезах устроила родителям мировую истерику.

– Принцессочка моя, – успокаивала меня мама, – понимаешь, вы по возрасту не проходите. Выберите другой инстру-

мент, идите в класс баяна, например, там тоже со второго года обучения будут занятия по фортепьяно.

– Не хочу я на баян, это мужской инструмент, пусть Кайрат идет на баян, а я хочу на пианино. И вообще, мне еще всего 9 лет, и я успею в 16 лет закончить учебу в музыкальной школе.

– Так то оно так, но школу ты закончишь в 15 лет, и что, вместо того, чтобы поступать в институт, как все, ты еще два года будешь доучиваться в музыкальной?

Как же так. Значит, Кайрат после окончания школы уедет в Алма-Ату учиться в институт, а я останусь дома доучиваться в музыкальной школе? Меня такая перспектива, конечно, не устраивала. И я, скрепя сердце, согласилась на класс баяна, в надежде, что все-таки меня научат играть и на пианино. Но меня хватило только на полгода. Во-первых, как бы я ни силилась, меня не устраивал инструмент, не любила я баян. Во-вторых, я об этом никому не рассказывала, меня не устраивал и преподаватель по баяну. Преподаватель у нас был мужчина средних лет; он был противный – толстый, лысый и с противными потными ладонями. И каждый раз, когда во время урока он хватал мои руки своими потными ладонями, меня бросало в дрожь, то ли от омерзения, то ли еще от какого-то чувства. Мне было неприятно. И вообще, я в нем не видела учителя, мне он почему-то казался противным «самцом». В свои-то 9 лет я уже интуитивно ощущала, что он воспринимает меня как противоположный пол. Мо-

жет, я и ошибалась, не знаю. Но, как бы там ни было, после первого полугодия я наотрез отказалась ходить в музыкальную школу. Для родителей мой отказ был полной неожиданностью. Вроде ходила с удовольствием, училась на «отлично», и вдруг, на тебе, не хочу и все. Помню, как приходила заведующая музыкальной школой и уговаривала меня продолжать учебу. Но я была непреклонна в своем решении. Я даже расплакалась, когда начали на меня напирать, и закатила опять истерику:

– Он противный, у него руки потные...

Мама, кажется, поняла о ком и о чем я, и разрешила мне больше не ходить. И мечта моя научиться играть на пианино так и осталось мечтой. А Кайрат до конца доучился и вместе с аттестатом о среднем образовании получил и свидетельство об окончании музыкальной школы по классу баяна. Но восторга он, пожалуй, от этого тоже не испытывал.

Когда мы учились в девятом классе, у нас в школе появился новый учитель истории. У него была красивая жена, русская, москвичка. Она в нашей школе открыла кружок «политинформации». Я захотела в этот кружок записаться. Не знаю, что мною двигало в тот момент. Помню только, что мне очень нравилась эта москвичка, Надежда Васильевна. Она была не только красива, она была, как мне тогда казалось, необыкновенна, какая-то особенная, она не была ни на кого похожа. На первом уроке она представилась, сказала, что только что закончила МГУ, философский факуль-

тет. Все ее занятия были очень занимательны. Она нам читала лекции, учила нас конспектировать. Говорила, что нам это пригодится в студенчестве. Она нам много рассказывала о философах, о философии в целом. Мы ее буквально заслушивались, так она интересно рассказывала. Босоногий, не признающий никакие сандалии, Сократ просто поразил мое детское воображение. Я влюбилась в него и в занятия философии. Теперь я «заболела» философией. И у меня появилась очередная мечта – поступить в МГУ, и именно на философский факультет. А мне стоит только захотеть, загореться, я все сделаю для осуществления своей мечты. Мне тогда так казалось. С помощью Надежды Васильевны я по почте записалась на платные заочные подготовительные курсы МГУ. Мне по почте присылали учебный материал: учебники, контрольные работы, темы сочинений. И таким образом я два года готовилась к поступлению в желаемый вуз, на желаемый факультет. К окончанию школы перед моими родителями стояла дилемма, как отговорить меня от этой, как они считали, моей очередной прихоти. С Кайратом не было проблем. У него не было каких-либо особых предпочтений в выборе профессии. Он был готов поступить в любой вуз, куда только родители смогли бы его устроить. А со мной...

Миша

Дядя Коля у нас больше не работал. Он стал часто болеть, подолгу лежал в больнице, а потом совсем перестал ходить на работу. Говорили, что он ушел на пенсию. Вместо него в мастерской никто не работал, и мне некуда было больше ходить.

Васи Капустина тоже не было, его перевели во взрослый интернат. Теперь было спокойно, меня никто больше не обижал. Теперь я был занят своим делом, хотел добыть деньги.

День зарплаты сотрудников давно уже прошел, а я все не мог попасть в раздевалку. Я неделю следил за раздевалкой, но так и не дождался удобного случая незаметно пробраться, чтобы украсть деньги. Но я не отчаивался. Теперь я знал точно у кого какой шкаф. Кто шкаф свой закрывал на ключ, а кто нет. У кого какая сумка, и все такое. У нас было две нянечки, которые дежурили через день и оставались с нами на ночь. И шесть воспитателей, которые работали по два дня и которые тоже раздевались там же, но они, как я успел заметить, всегда закрывали свои шкафы на маленький висячий замок, а, выходя с раздевалки, тоже обязательно закрывали дверь раздевалки на ключ. Они как будто знали, что я хочу сделать. Но все воспитатели работали до вечера, а потом, когда они уходили вечерами домой, иногда была возможность увидеть раздевалку не закрытой. Дверь в раздевалку всегда

была прикрыта, но не все нянечки закрывали ее на ключ. Я теперь основательно готовился к воровству. В таком деле торопиться нельзя ни в коем случае. Надо все как следует продумать, чтобы комар носа не подточил. Чтобы, в случае чего, никто даже подумать не мог на меня. Теперь я знал, что это можно сделать только вечером, после ухода бдительных воспитателей. Я теперь ждал дня зарплаты и удобного случая.

Однажды к нам пришла работать новенькая нянечка, очень молодая. У нее своего шкафа не было, верхнюю одежду она вешала на гвоздь, а остальные вещи, ну, там, сумку, зонт и какие-то пакеты с вещами она оставляла на стуле. В ее дежурство вечерами дверь раздевалки вообще не закрывалась. Особенно, после отбоя, когда все дети уже по спальням разойдутся. Она курила, сидя с открытой дверью в раздевалке. Часто к ней приходили охранники, молодые ребята. Они там по долгу пили чай, иногда водку, много разговаривали, шумели, иногда даже танцевали. Ее звали Машей. Она была добрая, никого из детей не ругала, не обижала, поначалу никого не заставляла даже ничего делать. Полы мыла в основном сама.

Однажды я попросился у нее полы помыть. Она удивилась:

– А ты умеешь? – спрашивает.

А я:

– Конечно, – говорю, – умею. Я всегда, – говорю, – помогаю нянечкам.

Она мне разрешила. Я пошел в туалет, взял ведро, налил воды, добавил туда хлорки, взял швабру и начал мыть. А Ма-ша, удивленная такая, ходила рядом, все следила, а потом говорит:

– Молодец, – говорит, – хорошо моешь.

А потом спрашивает:

– А как тебя зовут?

А я тоже удивился и говорю:

– Миша Бабичев из 6 группы.

Я помыл весь коридор, пока она мыла классы и спальни. Когда мы закончили с ней мыть, я пошел, помыл под раковиной как следует тряпку, выжал ее как следует и повесил на веревку на балконе. Она опять удивилась.

– Миша, как ты все хорошо делаешь, хозяйственный такой. Помой руки, и пойдем, – говорит, – я тебя чаем угощу.

Это она мне. Я удивился, пошел, помыл руки и не знаю, что дальше делать. Стою. А она мне кричит из раздевалки:

– Миша, помощник мой, ну ты где там? Чай уже стынет.

Я удивился еще больше, тихонечко зашел в раздевалку, а она такая чудная:

– Заходи, – говорит, – не бойся. Садись, – говорит и показывает на стул рядом с собой за их столом. Я, обалдевший, сел за стол. На столе стояла тарелочка с конфетами и с вафлями. А чай она мне налила в кружку, не в такую, не в железную, как наша, для больных, а в нормальную. Она смеется и опять:

– Да, не жмись ты, – говорит, – пей чай, бери конфеты, вафли, не стесняйся.

Я взял одну вафлю, конфеты даже не трогал, будто и не хочу. А сам так хотел сильно всего набрать, полные карманы хотелось набрать. Вот как сильно хотелось. Но чаю попил с вафлей одной, больше не брал. Боялся напугать Машу, боялся, что, если я все съем сейчас у нее за столом, то она меня больше приглашать к себе не станет. А мне больше всего на свете хотелось ей помогать и помогать, и чтобы она тоже, как дядя Коля, только меня приглашала к себе чай пить. И вообще, я так хотел, чтобы этот вечер не кончался никогда, так было мне хорошо рядом с ней.

Потом к ней пришел один охранник, Паша его звали. А Маша так обрадовалась и говорит:

– Миша, – говорит, – допивай свой чай и иди спать. Уже поздно, все детки спят.

Я пошел спать, но долго не мог заснуть. Мне не понравился охранник Паша. Если б он не пришел, Маша разрешила бы у нее посидеть в раздевалке. Мне понравилось сидеть с Машей. Она не такая как все нянечки. Она другая совсем. Никто из нянечек не разрешает заходить в раздевалку. А эта даже чаем угостила. Мне было обидно, что пришел этот охранник Паша. Я долго лежал, думал, мне было плохо, а потом, не знаю почему, даже заплакал.

После этого дня я стал считать дни, когда будет работать Маша. Я всегда ей помогал даже днем, но в раздевалку она

мне разрешала заходить только вечером, когда все уйдут.

Однажды мы с ней генералили класс. Вот натрудились мы с ней в тот вечер. Устали. И тогда она мне сказала:

– Помощник ты мой любимый. Как бы я без тебя справи-
лась.

Она была такая красивая, у нее волосы намокли, так мы сильно работали. Заходя в раздевалку, она распустила свои волосы, села напротив меня. Волосы у нее были длинные, красивые. Сидит, усталая, красивая, с распущенными волосами. Мне так и хотелось потрогать их. А потом что-то со мной такое стало, мне так захотелось обнять ее, поцеловать. Так она мне нравилась с распущенными волосами. Не знаю, что со мной было, я подошел к ней, хотел ее обнять, а она удивилась:

– Ты что, – спрашивает, – Мишенька? – А потом отпрыгнула от меня, будто я хотел ей что плохое сделать. Она даже испугалась и говорит:

– Нельзя, – говорит, – этого делать. Спасибо тебе, за помощь, иди, спать.

Я хотел ей что-то сказать, но почему-то ничего не сказал. Ушел. Потом долго не спал, все прислушивался, как она там все шумела пакетами, потом слышал как она гремела чашками, мыла их и ставила на место в шкаф, а потом она курила. Потом услышал шаги по коридору, к ней пришел охранник Паша. Я слышал, как она обрадовалась, смеялась. Потом они долго сидели, разговаривали. А потом я не услышал, как

охранник Паша ушел. Стало так тихо. И дверь не услышал как закрывали. Я встал и в чем был, в трусах и маечке, тихонечко подошел к раздевалке. Дверь в раздевалку была закрыта, но там тихо шуршали. Я тихонечко приоткрыл дверь и совсем обалдел. Маша совсем голая, почему-то вдвое согнутая на спине лежала, а ноги она свесила на плечи охраннику Паше. А охранник Паша с голой попой лежал на ней и дрыгался. Мне показалось, что Маше больно, потому что она тихонечко стонала. Я только хотел, было зайти, но тут услышал как Маша просящим голосом прошептала:

– Еще, еще, любовь моя.

А охранник Паша пыхтел, почти кричал и еще больше дрыгался на ней.

Меня затошнило, и стало больно внизу живота. И почему-то в штанах у меня зашевелилось, а потом невыносимо больно уперлось мне в трусы. Я схватил его и от боли присел на корточки, но взгляда не мог оторвать от происходящего в раздевалке. Мне было почему-то и плохо, и в то же время мне хотелось и хотелось смотреть на это. Я почему-то начал теревить, то что у меня в руке. А он набух у меня, и было очень приятно. Я смотрел во все глаза на них, боялся и хотел, чтобы это не кончалось. А потом Маша вскрикнула, голову откинула, а охранник Паша шепчет ей так громко:

– Теперь давай ты, моя хорошая.

Потом они поменялись местами. Охранник Паша растянулся на спину, а Маша присела у него между ног, рукой

собрала распушенные волосы, наклонилась и начала языком лизать его эту штуку. А мне показалось, будто она у меня лижет. И когда она взяла в рот его эту штуку, я чуть было не закричал. Я еле сдержался. Тихонечко, как мог, встал и побежал в туалет, сильно схватив то, что у меня между ног. В туалете, сняв трусы, я обалдел. Все трусы у меня были в клею. И клей этот выходил из меня, словно я писаю клеем. Я быстренько снял трусы, застирал под краном, тут же одел их и тихонечко побежал в спальню. За всю ночь я не мог оторвать руки от своей штучки, теребил его и теребил. Все представлял, как мне его Маша брала в рот и сосала. От этого еще несколько раз он у меня набухал, а потом опять выходил клей. И я успокаивался.

Утром, проснувшись раньше всех, взял запасные трусы и побежал в душ. В душе я опять вспомнил то, что увидел ночью, и все заново повторил, будто я с Машей. Потом помылся, надел чистые трусы, а грязные выбросил в мусорное ведро.

С тех пор я не мог заснуть, пока не делал **это**. Каждую ночь перед сном я представлял, как Маша ко мне приходит и проделывает **это** со мной. Теперь **этого** я хотел постоянно. Я с нетерпением ждал Машиной смены и каждую ее смену ночами подслушивал под дверь, как они с охранником занимались **этим**, и всегда после **этого** бежал в туалет, чтобы поменять трусы, потом только мог заснуть. Дверь они теперь постоянно закрывали, а мне так хотелось увидеть **это** свои-

ми глазами.

Как-то ночью я опять дождался, как охранник Паша прошел к Маше, тихонечко подошел к двери раздевалки. Дверь не была закрыта. Маша что-то ругалась на охранника Пашу. Я присел и стал ждать, когда же они, наконец, займутся **этим**. Но вдруг дверь раздевалки открылась, и оттуда вышел охранник Паша один. Маша его не провожала. Он увидел меня, сидящего под дверью. Я вскочил и побежал в спальню. Охранник Паша пришел за мной в спальню. Он был злой. Подошел к моей кровати и спрашивает такой:

– Хочешь, – говорит, – пряник?

Я такой обалдевший, конечно, говорю, хочу.

А он:

– Вставай, – говорит, – одевайся, и пойдем со мной.

Ну, я встал, быстренько оделся и пошел за ним. Мы пришли к нему в маленькую комнату. Когда я вошел за ним в комнату, он закрыл дверь на ключ и такой злой мне говорит:

– Ты, что, – говорит, – подглядываешь за нами? То-то, – говорит, – я постоянно слышу шаги в коридоре. Ты, что, – спрашивает, – трахаться хочешь? Машу хочешь трахать? Я сейчас покажу, как надо трахаться, – говорит.

Потом схватил меня, повернул меня задом, наклонил меня, спустил штаны, и я не успел опомниться, он воткнул свою штуку мне в попу.

– Будешь кричать, убью, – говорит.

Я тихо заплакал, стал просить:

– Мне больно, – говорю, – дяденька, отпустите меня, – говорю.

Но он продолжал долбить и долбить меня сзади. Потом вытащил свою штуку из задницы, с силой повернул меня лицом к себе, придавил, чтобы я присел на корточки, и сует мне прямо в лицо свою штуку и говорит:

– Возьми в рот и пососи. Это не долго, – говорит, – я сейчас, – говорит, – быстро кончу. Сделаешь больно или закричишь, – говорит, – урою.

Эта штука была вся в клею, меня стошнило. А он все равно засовывал мне штуку в рот. Потом громко застонал, и у меня рот заполнился клеем. И, наконец-то, он отпустил меня. Меня затошнило еще сильнее, а он стоит и кричит мне:

– Глотай, глотай.

А меня вырвало прямо на пол. А потом он подошел к раковине, открыл воду, стоя, помыл себе штуку и, уже улыбаясь, говорит:

– Ну, натяни штаны и иди сюда, умойся, – говорит, – я тебе пряников дам.

– Мне больно, – говорю, – у меня попа болит.

А он:

– Ничего, – говорит, – первый раз у всех болит, зато заслужил пряники.

Потом подошел помогать мне штаны одеть, а сам рукой залез ко мне в трусы и говорит:

– Э-э-э, какой у тебя, брат, корень-то большой. Надо же,

повезло тебе. Да ты кончил, я смотрю. Признайся, тебе же тоже было приятно. Тоже любишь трахаться, да? Машу хочешь трахать? Она, сучка, не дала мне сегодня. У нее, понимаешь ли, критические дни.

Потом говорит:

– Если еще раз увижу, что ты подслушиваешь или подглядываешь, опять тебя оттрахаю, и без пряников. Понял меня? И никому, – говорит, – не рассказывай, иначе ты знаешь, что с тобой будет. Если ты правильно будешь себя вести, – говорит, – мы с тобой подружимся, и я, – говорит, – помогать буду тебе во всем.

Потом он подобрел, дал мне целую пачку пряников и сам проводил меня на этаж, прямо до спальни.

На другое утро я не мог встать с постели, так сильно болела попа. Я никому не рассказал, сказал, что у меня голова болит, и весь день пролежал в постели. Нянечки жалели меня и кушать приносили в постель. А пряники я спрятал под подушку и сам все съел. Они были очень вкусные.

Айгуль

Школу мы с братом Кайратом закончили на серебряную медаль. Немножко не дотянули до «золота». Оно и понятно. Мы с братом не хуже учились, чем золотые медалисты. Просто у тех родители оказались круче, чем наши. И на всех, как оказалось, не хватит золота. Одна из золотых медалисток заслуженно была наша одноклассница Сауле. Хотя она и дочь директора нашей школы. Надо отдать ей должное, Саулешка на самом деле очень умная девочка. Она очень серьезная, целеустремленная. В отличие от меня, она всегда четко знала, чего она хочет в жизни. Мама у нее работает главным врачом в нашей районной больнице. По специальности она – психиатр. И вот, сколько я помню Саулешку, она всегда мечтала стать врачом-психиатром, как мама. Несмотря на свои пристрастия к медицине, Сауле тоже ходила на занятия философии.

– Во-первых, мне это очень интересно, – говорила она, – во-вторых, широкий кругозор еще ни одному врачу не помешал. И вообще, моя мама говорит, что психиатрия – это не только медицина, это обширная наука, она включает в себя и философию, и психологию.

Сауле серьезно готовилась поступать в медицинский и к окончанию школы она заявила своим родителям, что тоже хочет поступать в Московский медицинский вуз. Она счита-

ла, что Московский мед – это круто, поступить в который, – честь, а не поступить, – не позор. Поначалу родители ее были против. Они уже «пристроили» ее в Астанинский медицинский институт, тем более у них там были связи. Но Саулешка как бы бросила вызов родителям, что она сама своими знаниями может поступить в вожделенный Московский мед. В конце концов родители ее, не без гордости, согласились с ее решением. Зная, что я хочу тоже ехать в Москву поступать, ее родители пришли к нам домой к нашим родителям, посоветоваться, как им лучше решить все вопросы с поездкой в Москву. Наши же родители, которые до сих пор отговаривали меня ехать в Москву, апеллируя это тем, что мне целесообразнее учиться вместе с братиком в одном вузе, в Астанинском университете, тем более, что там тоже есть факультет философии, неожиданно для меня, решили, что мамы, моя и Сауле, дочек везут в Москву. А Кайрата папа отвезет в Астанинский университет, поступать на юридический факультет.

И вот, наконец-то, наступил тот день, когда мы все вчетвером сели в самолет Астана – Москва. Счастьем моему не было предела.

Москва меня поразила своими масштабами. Она меня, пожалуй, покорила в первую же минуту пребывания, прямо в «Домодедово». У меня появилось чувство, будто я «в прошлой жизни» жила здесь и теперь, через много лет отсутствия, вернулась к себе на Родину. И я для себя решила, что,

несмотря на исход вступительных испытаний, независимо от того, поступлю я или нет, все равно останусь жить в Москве.

Я была в полной растерянности. Пока мы из «Домодедова» добирались до гостиницы, я, широко раскрыв глаза, что называется, во все глаза смотрела на «проезжающий» пейзаж за окном. Сначала перед нашими взорами были продолжительные леса, затем автобус въехал в город, и пошли высокие дома, коробка за коробкой, затем пошли красивые постройки разных времен. Красивые столетние дома сменялись новыми, модерновыми постройками. А когда мы доехали в самый центр города, наступил вечер, и словно фейерверком засверкали огни разных оттенков. Изобилие неоновых рекламных щитов по всей улице, ослепляющий своими огнями ряд фешенебельных ресторанов, игорных клубов приводили меня в неопишуемый восторг. Вокруг было сказочно красиво, как в новогоднюю ночь. Я ощутила себя как в американском фильме, будто оказалась в самом Лас-Вегасе, в самом центре мировых событий, где жизнь бьет ключом. Не знаю, что мною двигало в тот момент, но меня окутало состояние эйфории, что я, казалось, даже забыла саму цель своего приезда в Москву. У меня было такое состояние, будто мечта моя уже сбылась и что мне больше ничего в жизни и не надо было. Я получила то, что хотела, – я в Москве. И я невольно задумалась, а надо ли мне поступать в университет. Надо ли мне это вообще, мое ли это, эта затея – поступать. Но мне предельно было ясно одно, мне надо, жизненно

необходимо жить в Москве, в гуще событий. Быть частицей этого огромного мегаполиса. Эта мысль пугала меня. Я интуитивно не стала ею делиться с мамой, озвучивать ее, боясь реакции мамы.

Устроились мы в скромной гостинице. Обстановка номеров оставляло желать лучшего. Мамы решили снять двухместных номера на сутки. Один заняли мы с мамой, а другой заняли, соответственно, Сауле с мамой. В планы родителей не входило долгое проживание в данной гостинице, они собирались нас устроить в студенческих общежитиях наших вузов, а там будет видно.

На другой день мы с мамой, позавтракав, поехали в университет городским транспортом. Для меня было все ново. И местная валюта, в которой мы путались. Любую цену мы в уме пересчитывали на наши казахстанские тенге, и где-то нас это приятно удивляло, но в основной массе своей цены нас огорчали. Москва все-таки оказалась дорогим городом.

Выйдя из гостиницы, сначала мы шли пешком до метро. Вооружившись схемой метро, мы сначала долго ее изучали, потом, немного порасспросив прохожих москвичей, мы более менее разобрались в маршруте гостиница – университет. Выйдя из метро «Университет», мы долго блуждали, опять таки расспрашивая прохожих, пока не дошли наконец-то до «стекляшки», как ее называли студенты МГУ, до корпуса гуманитарных факультетов.

Поднявшись на чуде строения – лифте, мы увидели, что

работа в приемной комиссии кипела. В большой аудитории стояло много столов. На каждом столе стояли карточки с указанием соответствующего факультета. Мы заняли очередь среди абитуриентов, сдающих документы на «Фило-софский». Желающих поступать на этот факультет, равно как и на другие, оказалось очень много. Здесь было много молодых людей и девушек, многих из которых сопровождали, как и меня, родители. У одной молоденькой девочки пришла, кажется, вся семья – мать, отец и даже бабушка. Я, если до этого и стеснялась, что меня мама везде сопровождает, то, видя это, мне стало немного даже смешно. Моя мама подошла к этой чете, чтобы пообщаться, она, так же как и я, подумала, что эта девочка такая же «скороспелка», как и я. Пообщавшись с матерью этой девочки, мама подошла ко мне и говорит:

– Доча, этой девочке уже 19 лет. Она уже третий раз поступает. Москвичка, медалистка. Говорят, бешеные конкурсы. В этом году она поступает, как стажница, у нее 2 года стажа работы, и, говорят, там другой конкурс. Надеются, что теперь-то, может, и поступит.

Нас обеих такая информация расстроила. Я подумала, если москвичка, да еще и медалистка подряд 2 года не могла поступить, то что же делаю здесь я? Ведь, ясен пень, что уровень знаний в Москве выше, чем у нас на богом забытой периферии.

Когда подошла наша очередь сдавать документы, девуш-

ка, принимавшая документы, спросила:

– Собеседование уже прошли?

– Какое собеседование? – спросила я, вконец растерявшись.

– Прежде, чем сдавать документы, девушка, надо обязательно пройти собеседование, – заявила она.

– А что это за собеседование, на какой предмет? – пришла на помощь мне мама.

– Понимаете, у нас такой порядок приема документов. Вы же понимаете, это все-таки философский факультет. Прежде, чем принимать абитуриентов, с ними проводится беседа сотрудниками кафедры на предмет, как вы говорите, определения общей осведомленности человека, на предмет его профориентированности. Сейчас идите в такую-то аудиторию, пусть с вами пообщаются, и, если вы пройдете собеседование, проходите без очереди, я у вас приму документы.

А в той аудитории, где проходят собеседование, очередь была еще больше, чем в ту, где принимают документы. Не знаю, что чувствовала мама, но мне стало по-настоящему страшно. Я почувствовала себя маленькой, не в смысле возраста, а в смысле значимости. Мне показалось, что я такая ничтожная, ничего на свете не знаю, ничего из себя не представляю, да еще лезу все туда же. И в то же время во мне проснулся спортивный азарт, как у спорного растения, кто кого. «Только не надо робеть, – уговаривала я себя, – и тогда все получится».

Когда я подошла на собеседование к преподавательнице, которую с ее научными титулами я мысленно вознесла до размеров интеллектуального монстра, у меня заметно подкашивались ноги и коленки предательски тряслись. Я к ней подседа, а она еще какое-то время, не поднимая головы, что-то писала. Тут зазвенел телефон, здесь же в комнате. Потом раздался громкий голос:

– Евгения Сергеевна, вас к телефону.

Преп подняла голову, извинилась передо мной, затем отошла к соседнему столу, взяла трубку и, не понижая голоса, начала разговаривать по телефону:

– Да, маленький... Правильно, правильно... Умничка... Только смотри не обожгись... Пока, любовь моя, у меня много работы, не мешай мне работать. Больше не звони. Я тебе сама потом позвоню. Пока.

Потом она вернулась на свое место и, обращаясь ко мне:

– Это мой сыночек, картошку пытается пожарить.

Я тут спустилась с небес на землю. Надо же, у «монстра» оказывается, тоже есть ребенок, который, как и все мы, все земные, картошку кушает. Меня это так поразило, и у меня в душе произошли значительные перемены. Я перестала ее бояться. И перед собой я уже видела не интеллектуальное светило, а просто женщину, причем такую же маму, как моя. Такую же ласковую и любящую.

Собеседование прошло, можно сказать, на «ура». Преп меня даже похвалила и написала «хорошую» резолюцию. Я

вышла от нее такая одухотворенная, что мама даже проследовала, когда я сказала, что меня похвалили.

Сдав документы, которые оказались в полном порядке, мы с мамой поинтересовались насчет общежития.

– Абитуриентам бесплатно общежитие предоставляется только с 25 июля, – сказала вежливо девушка, – но если вам пока жить негде, то в ГЗ можно снять комнату на двоих по коммерческим ценам.

– А что такое ГЗ, и по какой цене можно снять комнату, и на какой срок? – уточнила мама.

– ГЗ – это главное здание МГУ, высотное здание со шпилем. Идите туда, найдите штаб по обустройству абитуриентов, там вам все в подробностях расскажут, – вежливо ответила девушка. Она, видимо, студентка факультета, была в курсе всех дел.

Мы с мамой поблагодарили ее и пошли искать это ГЗ. ГЗ найти было нетрудно. Мы, не спрашивая никого, пошли по направлению устрашающего, величественного высотного здания со шпилем на крыше. Его, пожалуй, видно было отовсюду.

Заходя в ГЗ, мы обе, пожалуй, испытали некоторую робость и неуверенность. Но в то же время мама испытала какую-то гордость за меня. И она с надеждой в голосе сказала:

– Боже, помоги моей принцессочке поступить.

А я в этот момент испытала большую ответственность, которую возлагало это величественное здание всего лишь од-

ним «молчаливым» видом, со смешанным чувством спортивного азарта и, в который раз за этот день, испытала чувство спорного растения, кто кого. Пожалуй, это чувство спорного растения преследовало меня с самого рождения, доказать всем, а прежде всего – себе, что я смогу, что я ничем не хуже других.

В штабе по обустройству абитуриентов на время вступительных испытаний нам предложили комнату в том же здании, по сходной цене, в два раза меньшей, чем в гостинице. Мама без колебаний сразу же согласилась. Она считала, что обстановка в университете будет predispose меня к подготовке к экзаменам.

– В воздухе витает дух студенчества, – сказала она, – тебе здесь легче будет настроиться и сосредоточиться.

И устроились мы в святая святых, в самом ГЗ, в зоне «В», в комнате № 921. Поднимаясь на скоростном лифте, ощутив легкое головокружение, восторгаясь, я опять себя поймала на мысли, что я обязана оправдать доверие родителей и поступить в университет и что для меня такая вот шикарная обстановка должна стать чем-то само собой разумеющимся, в порядке обыденных вещей. Это было особое чувство. Не знаю, возможно, каждая провинциальная девчонка испытывает такие чувства, оказавшись в такой обстановке, – чувство растерянности, потерянности и в то же время чувство гордости за свою участь, и чувство огромной, немного даже путающей ответственности.

На этаже администратор, женщина пожилого возраста, выдавая нам ключи от комнаты, вежливо улыбнулась и сказала совсем по доброму:

– В добрый путь. Поступать приехали? Издалека?

– Из Казахстана.

– У нас много ребят из Казахстана. Они все такие умные. А эту комнату занимают аспиранты, но, пока они на каникулах. Идите, располагайтесь. Если что вам нужно будет, можете подходить ко мне, я вам все объясню, – любезно сообщила нам администраторша.

Блок, как его называли студенты, состоял из маленькой прихожей с тремя дверьми. Одна дверь вела в большую комнату, которую заняли мы с мамой, вторая дверь вела в другую, поменьше площадью комнату, а третья дверь вела в совмещенный санузел, с приспособлением по нужде и с душевой кабинкой, без ванны. Комнаты по отдельности закрывались на ключ, а санузел оставался всегда открытым для общего пользования жильцов двух комнат. Нас условия блока вполне устроили.

Ближе к вечеру мы поехали в гостиницу. Сауле с мамой были уже в номере. Они так же, как и мы, испытывали пугающее впечатление от увиденного в медакадемии.

– Представляешь, какой огромный конкурс в этот вуз, – делилась впечатлением Саулешкина мама с моей, – да это просто немыслимо. Там даже на платное отделение большой конкурс. Я в шоке от всего этого.

На Саулешкину маму больно было смотреть, она была в такой растерянности и разговаривала с трудом, давясь комком, подкатывающим к горлу при каждом слове.

– Саулешка, доченька, это глупо, бессмысленно подвергать себя таким испытаниям, – начала она уговаривать дочь при нас, – поехали обратно домой, пока не поздно. В Астане такой же вуз, ничем не хуже, там тоже готовят врачей. Я сама его окончила, и ничего, слава богу, уже сто лет работаю себе в удовольствие. Тем более тебе там помогут поступить, там все свои, там-то уж хоть какая-то надежда есть, что поступишь.

Но Сауле была непреклонна в своем решении.

– Мама, ну что ты расстраиваешься раньше времени? Ведь ничего еще не известно. Дай мне шанс хоть попробовать свои силы. Ну, даже если и не поступлю, это что, мировая катастрофа. А потом, сама ведь всю жизнь учила, что нельзя заранее программировать себя на негатив. Сама говорила, чтобы я исключила из своего лексикона слово «если». Давай заменим фразу «если не поступлю» на «когда я поступлю» и будем надеяться на лучшее.

Мать сидела молча, по всему ее виду было видно, что она против всего происходящего всеми фибрами души. Похоже, она вела борьбу с конфликтом, который разгорался внутри нее.

– Господи, зачем же я пошла на эту авантюру, – проговорила она, обращаясь к моей маме, ища поддержки с ее сторо-

ны, — зачем только я поддалась на ее уговоры поехать Москву покорять. Мне здесь все не нравится. Здесь все чужое, неродное. Жизнь другая, народ другой, деньги другие, даже язык и тот чужой. Я в полной растерянности, будто я выпала из жизни. Я теперь ни в чем не уверена, как никогда. Я не уверена не только в ее успехе, я неуверенна даже в себе, в каждом своем шаге.

Видя ее такое состояние, моя мама, обращаясь к нам сказала:

— Девочки, идите пока в наш номер, дайте нам поговорить.

Мы с Сауле молча вышли из номера. Сауле была расстроена, но спокойна. Меня поразила ее уверенность.

— Ну, как тебе Москва? — улыбаясь, спросила она.

— Супер, — ответила я восторженно.

— Вот и я о том же, — подмигнув заговорщицки, сказала она.

— Как я понимаю чеховских сестер! «... в Москву, в Москву!» — улавливаешь мысль?

— Еще бы.

— Я во что бы то ни стало останусь в Москве, — уверенным тоном сказала она. Это было не просто утверждение, это было решение.

— А если...

— Никаких «если». Ты-то не нуди, как моя мама, не порть мое эйфорическое впечатление, полученное от Москвы. Я ее такой и представляла. Она кипит, она горит, она пуль-

сирует полной силой. Здесь жизнь бьет ключом, не то что в нашем родном, богом забытом ауле. Представляешь, как мы тут заживем. Мы будем столичными штучками – гордые, недоступные, образованные.

Импульсивно я заразилась ее оптимистичным настроением, и мы взхлеб, перебивая друг друга, стали делиться переполняющими нас впечатлениями. Меня Саулешка поражала своим энтузиазмом. И вообще, она оказалась совсем другой, чем в школе. В школе ее интересовала только учеба. Некоторые ее считали «тихой зубрилой», невзрачной на вид, не интересующейся ничем, кроме учебы. Целеустремленной она была всегда, но тут в ней что-то новое появилось. У меня появилось чувство, будто ее всю жизнь родители держали в ежовых рукавицах. Ну, еще бы, она же дочь директора школы, ей надо было всегда оставаться примером для подражания для всех остальных. Марку держать. А тут она словно вырвалась из золотой клетки. Она оказалась раскованной, уверенной в себе личностью, у которой не бывает проблем, у которой все решаемо. Я для себя ее открыла с другой стороны. В ней сочеталось несочетаемое – хулиганский нрав, авантюризм, и в то же время она оставалась умной, благовоспитанной девочкой. Кому б рассказать, что наша отличница, у которой за поведение безусловно стояла оценка «отлично», гордость нашей школы, на которую школа возлагала большие надежды окажется такой хулиганкой.

– Даже если и не поступлю, – заявила она, – я ни за что не

вернусь домой. Я пойду работать. Какие наши годы, подруга! Подумаешь, годом раньше, годом позже, поступлю, в конце концов.

– А ты думаешь, родители тебе разрешат работать здесь?

– Разрешат, никуда не денутся. Я уже взрослая, мне скоро будет 18 лет. У меня своя жизнь. И как мне ее прожить буду решать я сама.

Я сидела, смотрела на нее и не узнавала. Она поражала мое воображение буквально с каждой фразой. А она опять, заговорщицки подмигнув мне, выдала:

– Не дрейфь, подруга, прорвемся.

– Откуда ты набралась таких выражений, что-то я тебя не узнаю, – сказала я удивленная.

– Это богатый, могучий, подруга, не все же время говорить на культурном казахском. – И тут она скорчила рожу и сонорным произношением, гнусаво заговорила по-казахски, – воспитанной девочке не подобает себя так вести.

Это она процитировала нашу классную руководительницу, биологичку. И мы обе расхохотались.

– Ладно, засиделись мы у вас, пойдем посмотрим, как там наши старушечки.

– Это моей маме почти 50, а твоя-то молодая еще.

– Все равно они для нас уже старушки.

– И мы такие будем когда-нибудь.

– Ну ты и философ. Конечно, будем, куда же мы денемся, но до этого еще очень и очень далеко.

Когда мы вернулись к ним в номер, наши мамы спокойно сидели, чаевничали, соблюдая весь ритуал казахского чаепития. Саулешкина мама на правах хозяйки номера разливала чай в пиалушки маленькими дозами, т. е. с величайшим уважением к госте. По правилам чайного ритуала у казахов чай разливается маленькими дозами, на пару глотков. Это чтоб чай не успевал остыть, во-первых, а, во-вторых, и самых главных, чтобы была возможность подчеркнуть уважение к гостю многократным наливанием чая, т. е. проявлением повышенного внимания к нему. Таким образом подчеркивая особое расположение своим столь частым вниманием. А если, не дай бог, хозяйка или тот человек, который разливает чай, нальет гостю чаю больше половины пиалы, то это будет означать неуважение, проявленное относительно гостя.

Обычно процесс разливания чая гостям возлагается на невестку дома. Это своего рода тест – проверка невестки, какая она хозяйка, насколько она внимательна к гостю или к гостям. Это очень сложный процесс, особенно, когда много гостей. Хорошая хозяйка должна наливать понемногу чая и должна успевать всех гостей обслужить вовремя. Не дай бог, какой-нибудь гость засидится с пустой пиалой в ожидании очереди, пока его обслужат, это будет означать, что хозяйка неорганизована, т. е. плохая хозяйка. Этому процессу молодые невестки обязательно обучаются свекровью, чтобы не ударить лицом в грязь при приеме многочисленных гостей и не опозорить дом. За этим процессом тщательно следят

все участники чайного стола, тем самым устраивая экзамен хозяйке дома. А затем, после приема, гостями этот процесс еще и обсуждается.

Да, чайная церемония у казахов, пожалуй, похлеще, чем у китайцев.

Вообще, у казахов очень много таких вот ритуальных процессов. Казахи вообще ритуальный народ. Вот такая вот национальная особенность. Судьба казашек, в частности, казахских невест, вообще очень сложная штука, нагроможденная всякими национальными ритуалами. Поэтому воспитанию девочек, будущих невесток, придается большее значение, нежели к воспитанию мальчиков. С молоком матери девочка-казашка усваивает все сложности тернистого пути от девочки до становления ее женщиной, проходя многочисленные испытания.

Среди молодежи в Казахстане, в частности, в кругу моих подруг, были такие приколы относительно всех этих ритуалов. Я училась в русской школе, может, поэтому мною и моими подругами высмеивались все эти вычурные сложности в воспитании женщины. Например, приходя в гости к той же Сауле, или, наоборот, когда, допустим, она приходила ко мне в гости, мы, наливая чай, смехом всегда уточняли, как налить чай, с уважением или без. И, как правило, мы, конечно, предпочитали разливание чая «без уважения», т. е. полную чашку, как это общепринято у всех европейских народов.

Посмотрев на идиллию, царящую в номере, Саулешка

улыбнулась и, обращаясь к женщинам, спросила:

– Кто же из вас психиатр, я не поняла?

И, обращаясь к моей маме:

– Вы волшебница-целительница. Как это вам удалось за такой маленький период времени успокоить мою мамочку?

А потом подошла к своей маме, обняла ее и ласково заговорила:

– Мамочка, как я рада, что ты успокоилась. Порадуйся за меня, все же хорошо. Документы сдали, теперь твоя дочь в поте лица будет готовиться к экзаменам. Глядишь, и глазом не успеешь моргнуть, она уже будет студенткой прекрасного вуза.

– Дай-то бог, доченька, – ласково ответила ее мать.

Затем, попрощавшись с ними, мы с мамой стали собираться в ГЗ. Саулешка с мамой намеревались жить в гостинице до конца всех ее экзаменов. В медакадемии общежитие могли предоставить только абитуриентам, а Саулешка с мамой, конечно же, хотели быть вместе.

На следующий день мы с мамой вышли на разведку местности, т. е. ГЗ. Все началось с того, что мы вышли позавтракать где-нибудь. Мы собирались выйти в город. В холле мы встретили администратора. Она приветливо нам улыбнулась и поинтересовалась:

– Далеко уходите?

– Собрались пойти позавтракать где-нибудь. Вы не подскажете, где поблизости можно было бы нам перекусить? –

охотно вступила с ней в разговор моя общительная мама.

— Конечно, подскажу, — отозвалась добродушная администраторша, — сейчас спуститесь на первый этаж, там есть хорошая столовая. Там прилично кормят, и цены относительно недорогие. Столовая рассчитана на наших бедных студентов. Мы все там питаемся и не жалуемся на качество подаваемых там блюд. Сейчас там можно поесть горячую кашу, выпить горячего кофе.

Нас немного удивило и обрадовало, что далеко не ходить. Мы спустились на первый этаж. В длинном коридоре, ведущем в столовую, мы обнаружили большую парикмахерскую с косметическим и педикюрным кабинетами, далее отдел почты с переговорным пунктом, кучу маленьких магазинчиков-бутиков, где продавалось все необходимое для жизни, ряды киосков бывшей когда-то «Союзпечати», где продавались свежие газеты, журналы.

Столовая была большая, чистая и светлая. Столы просто сверкали безупречной белизной скатертей. И действительно был большой выбор подаваемых блюд, несмотря на раннее утреннее время. Мама заказала себе, традиционно, яичницу с беконом, которую тут же при нас и приготовили. А у меня глаза разбежались от изобилия молочных каш на любой выбор. У нас в семье, как у всех обычных казахов, не принято готовить молочную кашу. Даже в детсадовском возрасте нам с братиком не особенно готовилась молочная каша. Может быть, поэтому у меня чувство недоеденности молочной ка-

ши сохранилось еще с детского сада. И я тут решила полностью оторваться, заказав себе пшеничную и рисовую кашу сразу. В свежести и хорошем качестве продуктов у нас не было сомнений. И действительно, все было вкусным. Завтраком и обслуживанием персонала пищеблока мы остались довольны.

– Вот что значит интеллигентная среда, – сказала мама, комментируя увиденное.

– Да, культура здесь на уровне, – согласилась я.

В нашу сельскую столовую у себя в поселке я никогда не ходила. Во-первых, в этом не было необходимости. Во-вторых, даже когда я проходила мимо столовой, меня тошнило от одного только запаха, исходящего от кухни. Там всегда почему-то пахло жареным луком, едким горелым хлопковым маслом. И от завсегдатаев этой столовой за версту пахло пивом, запахом дешевого табака, смешанным с запахом не то бензина, не то солярки, потом рабочих, водителей дальнотойщиков и трактористов. И у меня невольно слово «столовая» вызывало ассоциации с такой неприглядной картиной из неприятно пахнущей толпы рабочих.

Теперь же, после посещения студенческой столовой ГЗ, у меня, пожалуй, мнение о столовых изменилось в корне.

После столовой мы с мамой продолжили «экскурсию» по ГЗ и нашли много интересного. Меня больше всего впечатлил ДК МГУ. Я вспомнила увиденное интервью по телевизору у Алексея Кортнева, который когда-то был студентом и

свою творческую карьеру когда-то начинал со сцены именно этого ДК. Помню, меня тогда приятно удивила его причастность к такому вузу, как МГУ, вопреки мифу о том, что все люди отечественного шоу-бизнеса, как правило, в большинстве своем необразованные, а подчас даже совсем круглые невежи. Как Саулешка утверждает, шоу-бизнес переполняют одни быдла, в силу лишь своих денег.

В общем-целом у нас создалось впечатление, что ГЗ является «государством в государстве». Здесь можно жить, не выходя на улицу и причем не боясь оказаться «за бортом». Здесь жизнь была ключом.

И теперь моя единственная задача на сегодняшний день – это ударная подготовка к экзаменам, к которым я приступила в тот же день.

Миша

После того *случая* мы с охранником Пашей подружились. Он меня больше не обижал, не делал мне больно. Он был ко мне добр, даже однажды разрешил мне подслушивать их с Машей, ну, когда они будут заниматься этим.

– Только смотри, чтобы об этом Маша не знала, и смотри, чтобы ты Машу не трогал.

А потом однажды он мне говорит:

– А хочешь, – говорит, – тоже потрахать женщину?

– А это как, – спрашиваю я, удивленный.

– А тебе сколько лет? – спрашивает он.

– Не знаю, – отвечаю ему, – мне скоро во взрослый интернат, – говорю.

– Ну, вот видишь, – говорит он мне, – сам говоришь, что во взрослый тебе пора, это значит, тебе уже скоро 18 лет будет. А в 18 лет, – говорит, – люди женятся.

– А как это? – спрашиваю я, опять удивленный.

– Ну, что ты заладил, как да как. Вот сегодня вечером я приду к Маше, а ты не спи, я за тобой зайду потом и кое-что тебе покажу, договорились?

– Ладно, – говорю.

В тот день вечером я как всегда помогал Маше помыть полы. Она мне очень нравилась. Особенно, когда она распускала волосы. Как только она распустит волосы, у меня поче-

му-то в штанах мой корень, как сказал дядя Паша, начинает шевелиться, вставать, и мне становится больно. И так хочется потрогать Машины волосы, и вспоминается она голая, и становится невыносимо, будто мне не сидится на одном месте. Раньше так со мной бывало, когда я очень и очень хотел чего-нибудь украсть. Или деньги, или просто какие-нибудь вещи, которые не так лежат. Тогда у меня в штанах не шевелилось, но во всем остальном все было так. Тогда я ночь напролет не смог спать, а теперь я ночи напролет не могу заснуть, когда вижу Машу и очень хочу ее потрогать. Я через нее и дядю Пашу не любил, хотя он мне помогал во всем, как раньше дядя Коля. Дядя Паша брал меня к себе в охранническую комнату, угощал чаем, иногда даже колбасой, разрешал мне смотреть телевизор у себя, разрешал просто так посидеть. Иногда разрешал, если погода была хорошая, пойти погулять во дворе. Все лучше, чем слоняться на этаже. Но мне очень и очень не нравилось, как он говорит о Маше, как будто он ее не любит. А когда он по ночам приходил к ней, и я слышал как он с ней делает **это**, мне хотелось убить его. Вот как я его не любил. И Машу в этот момент тоже не любил.

Той ночью, после отбоя, дядя Паша заглянул ко мне в спальню. Я ждал его прихода.

– Я сейчас с Машей разберусь, потом мы с тобой пойдем в одно место, – тихо прошептал он мне, – смотри, ты только не засни.

– Ладно, дядь Паш, – сказал я.

Но сам, переждав, пока он зайдет к Маше, тихонечко подошел к двери раздевалки, присел, как всегда, ухо приложил к самой замочной скважине и стал подслушивать. Я уже не мог не подслушать, так мне этого хотелось, как украсть чего-нибудь съестного или деньги.

Маша в ту ночь кричала, как мне показалось сильнее обычного, или Паша делал ей сегодня больно, не знаю. Я ее еще больше хотел потрогать, хотел, чтобы она от меня так кричала и стонала. Как только Маша перестала кричать, я быстренько побежал в спальню, сегодня нельзя было до конца, пока дядя Паша не перестанет пыхтеть, подслушивать. Дядя Паша меня обещал взять с собой, так что я не хотел его сердить, и у меня не было времени пойти в душ, подмыться.

Дядя Паша, как и обещал, пришел за мной.

– Пошли, – тихо прошептал он, заглянув в спальню. Я спрыгнул с кровати и тихо, быстренько натянул штаны, футболку, стараясь не разбудить никого, и побежал за дядей Пашей. Мы с ним спустились по лестнице на два пролета, и на втором этаже дядя Паша сказал подождать его здесь и вошел на этаж девочек. Дверь на этаж он плотно закрыл за собой. Я стоял на площадке, было тихо, все, кроме нас, спали. Через какое-то время я услышал шорох за дверью. Потом дверь на этаж немного приоткрылась, дядя Паша высунул голову и махнул мне, подзывая за собой. Я последовал за ним. Дядя Паша закрыл за мной дверь, и стало очень темно. На этаже не

горели даже дежурные лампы. Это дядя Паша постарался, он меня потом научил, как это сделать. Это на тот случай, если кто нежелательный выйдет. В потемках дядя Паша меня повел в сторону туалета. И когда дядя Паша открыл дверь туалета, я в первую минуту чуть было не ослеп от яркого света и, зажмурившись, шагнул внутрь. И за спиной было слышно, как дядя Паша плотно закрыл дверь.

– Ну, ты, корова, готова? – услышал я дядь Пашин голос и открыл глаза. И обалдел. Передо мной на кушетке сидела голая дура из 16 группы. Аня Макарова. Я ее постоянно встречал на улице, когда мы с группой ходили гулять. Она была совсем дурой, ничего не понимала, не умела говорить, глухая и толстая. Она была такая толстая, что еле передвигалась. Не умела даже бегать. У нее были большие сиськи, они у нее вываливались всегда из разреза любого платья, и большая жопа. Мальчишки все трогали ее, а она всегда стояла, улыбаясь.

– Обслужи его, – сказал ей дядя Паша. Аня Макарова как будто услышала и поняла, легла на кушетку, согнула ноги в коленях и растопырила их.

– Ну, иди, – сказал дядя Паша, – не бойся, ты же хотел.

– А как?

– Опять, как? Молча, – поругался на меня дядя Паша, – иди, иди, смелее, не бойся, она сама все сделает, – говорит, – штаны только стяни, – говорит.

Ну, я стянул штаны, вместе с трусами.

— А корень-то в полной боевой готовности, — говорит дядя Паша, — а говоришь, как. Иди, иди, смелее.

Я подошел к кушетке, Аня Макарова притянула меня за руку к себе и жестом показала, чтобы я на нее лег. А потом она бессовестно взяла мой корень, как говорит дядя Паша, в руки, от чего я почему-то застонал, как Маша. Ладонь у Ани Макаровой была теплая, мягкая, и мне казалось, от ее прикосновения я сейчас описаюсь. Аня Макарова потянула мою штуку к себе, раздвинула ноги пошире и засунула его у себя между ног прямо в дырочку. Мне стало невыносимо жарко. То ли это у Ани Макаровой там было жарко, то ли отчего еще я не знаю, я начал почему-то кричать, голова закружилась, меня затошнило. Аня Макарова положила меня на себя, обняла меня крепко и начала дрыгать ногами, как будто на велосипеде катается. Я закричал еще громче и тоже начал дрыгаться, делая движения вперед-назад. А что было дальше со мной, я не помню. Я очнулся на полу, без штанов. А дядя Паша так сильно хохотал и сказал, что я потерял сознание от удовольствия, когда кончал, и грохнулся на пол. Потом я отошел к раковине, подмыться, а дядя Паша, стоя на полу, развернул Аню Макарову к себе дыркой, закинул ее ноги себе на плечи, как он это делал с Машей, когда я их впервые увидел, и засунул свою штуку Ане Макаровой между ног. Он проделывал это молча, лишь в конце немного попыхтел, пискнул и вытащил свою штуку. Потом он тоже подошел к раковине, подмыться, посмотрел на меня и сказал:

– Ну, что ж, с боевым крещением тебя.

– А как это? – спросил я.

– Опять ты как да как. Да вот так вот, ты теперь стал мужиком, понимаешь? Ты ведь первый раз трахнул бабу?

– А это как?

– А вот то, что мы с тобой делаем здесь, и называется бабу трахать, понял? Мы с тобой мужики, а эта уродка – баба, понял? Э-э, да у тебя опять стоит, опять хочешь, что ли? – спрашивает он у меня.

– Не знаю, – говорю я ему.

– Иди, иди, трахни ее еще раз. Она тоже любит трахаться, да, Ань? – спрашивает он у Ани Макаровой, как будто она чего понимает. А Аня Макарова лежит, как ее оставили, даже не развернулась. Я подошел к Ане Макаровой и сделал тоже так же, как это делает дядя Паша, стоя, и чтоб ее ноги были у меня на плече. На этот раз я подольше был в ней и не грохнулся в обморок.

Пока я с Аней Макаровой второй раз занимался этим, дядя Паша сидел, смотрел и курил. Когда я закончил, он мне протянул сигарету и сказал:

– На затянись. Только не спрашивай, а это как, возьми в рот и просто затянись. Курил когда-нибудь?

– Нет, – сказал я, взял сигарету, затянулся, как дядя Паша велел, но раскашлялся. Мне не понравилось. Голова закружилась, я присел, и меня стошнило. Дядя Паша начал опять смеяться.

– И курить, – говорит, – не умеешь. А трахаться понравилось? – спрашивает.

– Не знаю.

– Ну, ладно, ты еще не раскусил, значит. Отпустим Аньку или еще по одной ее трахнем? – спрашивает меня.

– Не знаю.

– А хочешь ее в задницу трахнем?

– А может она у нас пососет? – спрашиваю я. Вспомнил, как это делает Маша, и у меня между ног опять больно зашевелилось.

– А покраснел-то, покраснел-то как, – говорит дядя Паша.

А потом:

– Э-э, нет, друг, это рискованно, – говорит дядя Паша, – эта же дура ничего не понимает, она может укусить, знаешь, как это больно, когда кусают.

– Дядь Паш, а почему Аня Макарова не стонет, как Маша?

– Ну, ты и сравнил, дуралей. Эта корова ведь дура, она вообще ничего не понимает. Ее трахать даже не интересно, понимаешь, никакого удовольствия. Она абсолютное бревно. Но тебе только с ней и можно, больше никто тебе не даст. А ее все мальчишки трахают, учатся. Только об этом никому не говори. А Маша тебе нравится?

– Не знаю.

– Нравится, я вижу. Но, Маша – это нормальная баба. Может, я на ней даже женюсь, понял?

– А мне больше ни с кем, ни с кем нельзя, кроме Ани

Макаровой? – спросил я.

– Э-э, брат, вижу, ты ничего не понимаешь. Знаешь, с бабами вообще трудно. С ними просто так ничего нельзя. Всем бабам нужны деньги. Ты знаешь, что такое деньги?

– Знаю. Раньше мы с дядь Колей зарабатывали деньги. И у меня были деньги. Много было.

– Ты-ы, – удивился дядя Паша, – зарабатывал деньги? И где же это? И сколько это, много?

– Мы с дядь Колей ходили на шабашку, строили на даче, ну там, разные бани, сарайчики, мебель обивали. Меня дядя Коля всегда брал с собой. И нам хорошо платили, так говорил дядя Коля.

– А сейчас у тебя есть деньги?

– Нет.

– Ну, вот видишь? А ты бабу другую хочешь. Чтобы другую бабу хотеть, ну, такую, нормальную, деньги нужны, и немалые. Бабы любят, чтобы им подарки дарили, водили их в ресторан, и все такое. Так, что, брат, не видать тебе нормальных баб, как своих ушей.

– А если жениться?

– Ну, чтоб жениться, нужно, чтобы баба тебя полюбила. А чтобы она тебя полюбила, опять-таки нужны деньги и хороший корень. Но, корень у тебя хороший, можешь мне поверить, он у тебя большой. От такого бабы знаешь, как тащутся!

– А Маша?

– Что, Маша?

– Она вас любит?

– Ой, еще как! Знаешь, как она на меня смотрит, как кошка на сметану.

– А это как?

– Ну, любит, другими словами. И хочет, чтобы я на ней женился. Просто спит и видит, как я на ней женюсь.

Потом мы немного посидели, дядя Паша курил, мне больше не предлагал, Анька Макарова все лежала на кушетке. Дядя Паша укрыл ее своей курткой и дал ей печенье. И мне он дал печенье. Но мне печенья почему-то не хотелось. Я не стал кушать, отдал свое печенье Аньке Макаровой.

– Теперь ты тоже можешь жениться, – сказал дядя Паша.

– А это как?

– Опять ты за свое, – ругается дядь Паш, – умеешь трахать бабу – значит, и жениться можешь.

Каждый раз, когда дядя Паша произносил это слово «трахать», у меня между ног начинало шевелиться. Дядя Паша заметил это и говорит:

– Э-э, брат, да ты маньяк какой-то, опять у тебя корень твой стоит. Да какой он у тебя большой, все бабы будут к тебе на шею вешаться с таким хозяйством-то. Понимаешь меня?

– Не знаю.

А потом дядя Паша разрешил мне еще один раз проделать это с Аней Макаровой и отвел ее в спальню. Потом проводил и меня до этажа, чтобы никто меня не видел.

После этого случая мне постоянно хотелось **этого**. Стоило мне увидеть женщину, любую, у меня между ног начинало шевелиться, и мне всегда хотелось. Но денег у меня нет. Дядя Паша сказал, что нужны деньги, чтобы жениться, и тогда можно будет с женой это проделывать постоянно. Неужели все взрослые **этим** только и занимаются?

Дядя Паша часто меня стал брать по ночам, и мы с Аней Макаровой проделывали это. В основном я. А дядя Паша не всегда, говорил, что **это** делать с Аней Макаровой ему не интересно.

А Маше я все так же помогал мыть полы. Мне она все больше и больше нравилась. Мне тоже хотелось жениться на ней. Разве я могу на ней жениться? Дядя Паша ведь убьет. Она была такая красивая, особенно, когда распускала длинные свои волосы. Никогда она не ругалась, говорила только красивые слова, и на дядю Пашу иногда обижалась, что тот грубо говорил и всякое такое.

А Аня Макарова мне тоже не нравилась, она была толстая, некрасивая, и волосы у нее были короткие и постоянно грязные, и всегда молчала. Я с ней тоже не хотел делать **этого**, но дядя Паша говорил, что мне больше не с кем.

Однажды летом мы всей группой гуляли на улице. Я катался на велосипеде. И вот я однажды далеко отъехал на велосипеде по асфальтированной дороге на территории интерната. Территория у нас была большая, и воспитатели нам разрешали на велосипеде далеко кататься, и вот заехал далеко.

И в кустах услышал голоса, смех и пыхтение. Мне стало интересно. Я слез с велосипеда, оставил его на краю дорожки и пошел в кусты, откуда доносились голоса. Подойдя поближе и раздвинув кусты, я увидел там Аню Макарову и троих ребят с другой группы. Аня Макарова лежала прямо на травке, а один мальчик на ней дрыгался, а двое стояли наготове, схватив свои штучки в руках. У меня опять зашевелилось между ног, но **этого** почему-то не хотелось совсем. Меня затошнило. Все это было так некрасиво, грязно. Я, не обнаружив себя, быстренько побежал оттуда, сел на велосипед и что есть мочи надавил на педали.

Потом, когда мне дядя Паша предложил пойти ночью к Ане Макаровой, я наотрез отказался. Мне хотелось **этого** очень, но я почему-то отказался. Я хотел этого с другой женщиной, например, жениться, как дядя Паша, на нормальной, красивой женщине. Но для этого нужны деньги, много денег. Надо во что бы ни стало раздобыть деньги.

Однажды меня воспитательница попросила, чтобы я отнес записку завучу. Кабинет завуча находился на первом этаже. Мне, как одному из старшей группы теперь поручали всякие поручения, и я свободно мог передвигаться по интернату, как раньше Вася Капустин. И вот спускаюсь я на первый этаж, иду по коридору. А коридор был длинный, и там много всяких кабинетов было. Вот иду я по коридору и, не доходя до кабинета завуча, увидел, как один из кабинетов был открыт настежь. Подходя по ближе, смотрю, в кабине-

те никого нет. Я быстро сообразил, зашел в кабинет, осмотрелся, увидел на стуле возле стола лежала сумочка. Сумка была черного цвета, такая красивая, что я сразу сообразил, что там должны быть деньги. Я это просто прочувствовал. Я быстренько побежал к столу, схватил сумку, открыл ее и тут же увидел красивый толстый кошелек. Я быстро вытащил кошелек, сунул его за пазуху, а сумку закрыл и обратно положил, как она и лежала. И выбежал в коридор. В коридоре никого не было. Я бегом побежал обратно на этаж. Прямо в два прыжка я очутился на этаже и сразу – в туалет. А туалет у нас находится сразу же, как заходишь на этаж. Я незаметно забежал в туалет, плотно закрыл за собой дверь, вскочил на подоконник, открыл настенный шкаф, куда я когда-то прятал коробку с конфетами, забросил туда кошелек, закрыл как следует обратно дверцу шкафа, потом опять тихо и незаметно выбежал на лестничную площадку и, не спеша, спустился вниз на первый этаж. На первом этаже коридор был пуст, но дверь того кабинета была уже закрыта. Я, как ни в чем не бывало, подошел к кабинету завуча, постучался и услышал, «заходите». Я открыл дверь, просунул голову и говорю:

– Вот, меня попросили отнести вам записочку.

Завуч приветливо мне говорит:

– Заходи, Миша. Спасибо тебе большое. – Она встала, вышла из-за стола, подошла ко мне, взяла записку и говорит: – Тебе бы, Миша, похарактернее быть.

– А это как? – спрашиваю я.

– Ну, надо быть смелее. Вот, смотрю я на тебя, ты – мальчик хороший, и воспитатели, и нянечки тебя хвалят, помогаешь ты им всем, слушаешься, но надо быть немного посмелее, понимаешь? А то тебя совсем не заметно, говорю.

Но я все равно ничего не понял.

– Вот осенью тебя планируем во взрослый интернат перевести, – говорит, – я похлопочу, чтоб в хороший интернат тебе попасть, – говорит. Это я понял, обрадовался. Все говорят, что во взрослом интернате хорошо, там, говорят, даже свободно можно выходить и за пределы интерната, в город. А я в городе не был еще с тех пор, как дядя Коля перестал работать у нас. Хороший был дядя Коля, они меня с его женой даже в магазины брали с собой, деньги давали и всякое такое...

Деньги... Теперь же у меня деньги есть. Их много, кошелек был полный набит деньгами. Мне теперь можно даже жениться. Но, как? Надо будет спросить у дяди Паши, он меня научит.

Ой, что будет, когда обнаружится пропажа?! Интересно, чей это был кабинет.

А это, как потом оказалось, был кабинет зам. директора. Кто говорит, что зам. директора, а кто – главврача, в общем, я не разбираюсь в этом.

На другой день рано утром к нам на этаж пришли завуч и три главные тети. Все с первого этажа. Сначала они собрали всех воспитателей и нянечек, и у них было собрание в раз-

девалке. А потом они все оттуда вышли в коридор. Воспитатели все злые, нянечки тоже.

А потом они стали в кучу собирать тех детей, которые ходят в разные кружки, которые находятся на первом этаже. И их кучками стали куда-то уводить. Дети оттуда приходили, некоторые заплаканные.

А потом к нам на этаж пришел высокий дядька, строгий такой. Он увидел меня и спрашивает:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.